

Людмила Лапина

**ВНУЧКА
КЛАДБИЩЕНСКОГО
СТОРОЖА**

мистико-романтический
рассказ

Людмила Лапина
Внучка кладбищенского
сторожа. Мистико-
романтический рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35482191
ISBN 9785449311610

Аннотация

Мистико-романтический рассказ повествует о любви наших юных современников, о нескольких поколениях большой дружной семьи, о революционных потрясениях нашего Отечества.

Внучка кладбищенского сторожа Мистико- романтический рассказ

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4493-1161-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне посчастливилось родиться в средней полосе России, в деревне калужской области. Наша деревня стоит на холмах, а дом моего детства расположен у старого кладбища, обсаженного липами и березами. Извилистая речка весело журчит, обегая наши холмы, изумрудно-зеленые с наступлением весны. В июле в их зелени проступают алые пятна земляники, а небо становится синим-синим, как перо сказочной птицы удачи. Такова моя малая родина. Такое же синее небо бывает и над Санкт-Петербургом, куда родители увезли меня еще в младенчестве. Каждый раз, когда возвращаюсь в Питер из нашей деревни, меня поражает контраст между плос-

кой равниной, приневской низменностью, где стоит северная столица России, и всхолмленной местностью вокруг Калуги.

Я окончила школу в городе на Неве и поступила в библиотечный техникум, чем гордились все мои родные. Мечтаю стать библиографом и после техникума хочу учиться в институте культуры. А пока летние каникулы я провожу в нашей деревне, в старом дедушкином доме с большой русской печью. Запах горячего хлеба, парное молоко... Я люблю приезжать в деревню.

В прошлом году, после первого курса техникума, меня послали на практику в нашу деревенскую библиотеку. Я читаю всю жизнь, только в детстве – приключения и фантастику (в шесть лет мечтала сбежать в Техас, где скакал всадник без головы). Даже подобранного несколько лет назад замурованного черно-белого котенка я назвала Морисом Джеральдом. Сейчас он превратился в крупного пушистого кота, а зовем мы его Мурзиком вместо Мориса. Став старше, я узнала из «Других берегов», что в тех же местах в Техасе под Далласом ловил бабочек Набоков. Сейчас мне больше нравятся любовные романы. Да, как девушки всех времен и народов, я грежу о большой чистой любви на всю жизнь.

В последнюю неделю перед расставанием на лето я гуляла с однокурсницами по центру Санкт-Петербурга. Мы прошли обновленный Летний сад. Сейчас, с фонтанами и белыми статуями, он выглядит как прототип Петергофа. Полюбовавшись на Эльфдаленскую вазу из красного гранита и лебе-

дей в пруду Летнего сада, мы по Шпалерной улице двинулись к излучине Невы, где стоит Смольный собор. Мы осмотрели шемякинских сфинксов на Воскресенской набережной, памятник Анне Ахматовой, выпили кофе в посвященном этому напитку музее, а у Музея воды зашли посмотреть необычный фонтан, с шумом водопада обрушивающийся в красный гранитный бассейн. Мы с подружками решили сфотографироваться вместе у фонтана, но палки для селфи ни у кого из нас не оказалось. Я подняла на лоб черные очки, окликнула высокого юношу в военной форме и попросила помочь нам. Он охотно согласился, сделал несколько снимков моим фотоаппаратом, мы с девочками рассмотрели и одобрили их. Но он не спешил уходить и неожиданно представился:

– Артем, будущий инженер, учусь в том желтом здании с белыми колоннами.

– В этом? – смеясь, указала я на Таврический дворец.

– Нет, вон в том, оканчиваю второй курс, – рука юноши, нет, уже молодого человека, протянулась в направлении большого здания за Таврическим дворцом.

– Оксана, – представилась я. Подруги со смехом потащили меня гулять дальше. Я только успела сказать Артему номер моего мобильного. На улице я опустила на глаза черные очки, как сто лет назад дамы опускали вуаль, и подружки не смогли меня развеселить.

За день до отъезда в Калужскую область я поехала на Васильевский остров на Смоленское кладбище к часовне Ксе-

нии Блаженной, просила мою святую дать нам легкую дорожку в деревню. Обойдя светло-зеленую часовню три раза, я взмолилась, чтобы Артем запомнил мой телефон и позвонил мне. Этот парень в военной форме, широкоплечий, высокий, синеглазый, очень понравился мне. Потом я пошла к метро по старинному кладбищу. Сейчас, в начале лета, оно выглядит как зелёный тенистый парк с аккуратными дорожками. Какой контраст с нашим деревенским, заросшим травой, иногда выше человеческого роста. Я не боюсь деревенского кладбища. Когда навещаю могилы родных или просто гуляю по нему, теплое чувство любви и покоя охватывает меня. Конечно, Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге больше деревенского, и памятники на нем богаче – мрамор, бронза, гранит. У нас же – цветущие липы и птичий щебет.

Доехали мы в нашу деревню быстро, дорога и на поезде, и на автобусе была легка и приятна. А в деревне началась моя библиотечная практика. В техникуме учат хорошо, мне нравится рассказывать читателям о моих любимых книгах. Заведующая библиотекой дала мне блестящую характеристику.

После практики я осталась в деревне. Мои бабушка и дедушка приближаются к семидесяти годам, но еще крепкие, жилистые, слаженно ведут хозяйство. С ними живет и мой прадедушка, бабушкин папа. Мы с бабушкой зовем его «деда». Ему уже за девяносто, но он, совершенно седой, коренастый, крепкий, с яркими голубыми глазами и похожими

на корни дуба руками. Еще до моего рождения он начал работать кладбищенским сторожем, ведь дом наш стоит недалеко от кладбища.

Первую неделю после окончания практики я помогала бабушке по дому и читала Пруста «В поисках утраченного времени», а потом – любимый «Потоп» Сенкевича, но даже увлекательные книги не могли отвлечь меня от тоски по Артему. Когда я это осознала, испугалась – мы виделись один раз в жизни, а он сумел произвести на меня неизгладимое впечатление. Высокий, красивый, голубые глаза, похож на Анджея Кмицица... Он мерещился мне везде. Когда я шла по улице, часто видела его широкоплечий стройный силуэт, мелькающий вдалеке. Каждый день я напрасно ждала звонка от него. Наверное, он давно забыл меня, почему же я так страдаю? Дома я старалась казаться прежней – веселой, щебечущей, но бабушка уже задала вопрос, что со мной происходит. Отшутиться я не смогла. Бабушка, дедушка и дед шептались на кухне и замолкали, когда я приближалась к ним. Однажды поздно вечером я засиделась за столом над письмом домой, в Питер, маме. Она любит получать от меня письма в конвертах, отосланные по почте. Я весело описывала нашу деревенскую жизнь, делилась планами на будущее. Будущее? Какое у меня может быть будущее без Артема? Мне стало так тоскливо, что я уронила голову на скрепленные руки и тихо заплакала, боясь разбудить спящих родных. Справившись с собой, я подняла голову. Наш обеден-

ный стол, за которым я сидела, покрытый красивой клеенкой, придвинут к окну. Сейчас нижняя половина окна задернута веселенькими занавесочками с Медным всадником, любимым монументом моей мамы. Она с малолетства водила меня гулять к нему. Я утерла слезы и собиралась ложиться спать – была глубокая ночь. Я потянулась выключить настольную лампу и замерла – поверх занавесок на меня уставилось бледное лицо... Артема? Над ним, под верхним краем оконной рамы, мерцала крупная синяя звезда. А он смотрел на меня тоскливо, жадно, нос его расплющился об оконное стекло. Я закрыла рот обеими руками, чтобы радостным визгом не разбудить родных. «Приехал! Приехал!» – одна мысль билась в моей голове, пока я всматривалась в дорогое лицо до рези в глазах. Выступили слезы, я зажмурилась, а когда открыла глаза, лицо Артема исчезло. Я вскочила со стула и метнулась к двери. Конечно, он видел, что я не сплю и пошел к двери, ждет, когда я открою ему дверь. Дрожащими руками я откинула железный крюк, пробежала в сени, отодвинула засов и распахнула дверь. Тишина, звездная ночь, по земле стелется белесый туман. Резкий холод пробрал меня до костей – на крыльце никого нет. Где же Артем? Я сбегала с крыльца, давя в горле призыв. Он что? Только посмотрел на меня и ушел? Конечно, я его разочаровала – бледная, заплаканная, растрепанная, некрасивая. Я поскользнулась на последней ступеньке, тапки слетели, и к калитке я подбежала босиком. С трудом повернула щеколду – она раз-

бухла от ночной сырости – и выскочила со двора. И на дорожке к нашему дому никого. Поскуливая от боли в сердце, я сделала несколько шагов. В темноте следы на дорожке не видны, а кладбищенские деревья в нескольких шагах от меня кажутся слитной черной массой, выделяясь на сияющем звездами небе. Запыхавшись, я остановилась, как будто налетела на невидимую стену, и обхватила себя руками. Артема нет. Где его искать? Но он же сейчас заглядывал ко мне в окно? Или это был не он? Кто тогда? Налетевший порыв ветра зашелестел кронами кладбищенских деревьев, и я отчетливо слышала шепот: «Оксана, Оксана...» Вкрадчивый, настойчивый, он звал меня, но я зажала уши, развернулась и бросилась к дому, изо всех сил захлопнула калитку, повернула щеколду и взлетела на крыльцо. Про тапки я, конечно, забыла. Я задвинула засов, накинула железный крюк и только тогда перевела дух. Ощущение холода не проходило. Я умылась и коснулась своего нательного серебряного крестика. Он источал ровное тепло. Мне тут же захотелось спать. Я с закрытыми глазами добрела до своей постели, упала на нее и больше ничего не помню.

Разбудила меня бабушка веселой песенкой и ароматом заваренного кофе. Открываю глаза, вижу в окне чистое голубое небо, и ночные наваждения кажутся далекими, нестрашными, как давний полузабытый сон. Я быстро умылась и бо-сиком прошлепала к накрытому столу – тапки куда-то делись.

Позднее, в субботу, я, как обычно, убирала в доме, вымыла полы, а мои родные в это время сидели в беседке во дворе, наслаждаясь теплым июльским днем: солнце сияет с ясного неба, легкий ветерок уносит лишнюю жару. Дед и прадед играют в шахматы, подолгу раздумывая над каждым ходом, бабушка вяжет очередную салфетку. Я подала им вишневый компот и печенье и только взяла в руки томик Пруста, надеясь почитать в тенечке рядом с котом, как меня окликнула бабушка. Я оставила книгу и кота в шезлонге и побежала на зов.

– Доча, у нас хлеб не закончился?

– Пол буханки черного еще есть, – ответила я.

– Сходи, солнышко, купи назавтра, на гренки два батона, хлеб, ну и что захочешь ещё, – сказала бабушка. Уже много лет гренки и кофе – традиционный воскресный завтрак нашей семьи.

– Купи сушек, – подсказал дед.

– И мне – ржанных сухариков, – добавил прадед.

– Сейчас сбегая, – согласилась я, вернулась в дом и переделась. Взяв сумки и бабушкин кошелек, я вернулась в беседку. Бабушка отсчитала мне деньги, я взяла и тыльной стороной ладони задела стеклянный кувшин с компотом. Я едва успела отскочить, стеклянные осколки полетели в разные стороны, по чистому деревянному полу расплзлась лужа... крови? Так мне внезапно увиделось. И хоть я себя уговаривала, что это просто компот, холодная дрожь прошла по мо-

ей спине. Я положила сумку на скамейку, сказала:

– Сейчас уберу, – и побежала в дом. Но голос бабушки остановил меня:

– Оксана, иди в магазин, я сама уберу, а ты ещё порежешь-ся.

Бабушка все ещё считает меня маленькой глупенькой девочкой. Я не посмела ей перечить, взяла сумку и пошла в магазин дальней дорогой, огибая кладбище. После недавнего ночного приключения мне не хотелось там ходить. Сейчас я испытывала дрожь при мысли, что мне придется пройти меж белоствольных берез тихой тропинкой, выходящей к нашей калитке. А раньше я кладбища не боялась. Ругая себя за нелепые страхи – кто и что мне сделает днем? – я подошла к магазину.

Закупив всё, что заказали мои родные, я вышла из магазина и села на лавочку в маленьком сквере у автобусной остановки. Пришел автобус их Калуги. Я махала знакомым и ела мороженое, вафельную трубочку, а в Питере предпочитаю брикеты. Подошли мои подружки, Аня с Тоней.

– Привет, Ксанка!

– Привет, – отозвалась я.

– Пойдешь сегодня на танцы?

Сегодня суббота, в клубе будут танцы. Но меня никогда не отпускали танцевать, ни здесь, в деревне, ни в городе на дискотеки.

– Не пойду, вы же знаете, мне бабушка не разрешает, –

отвечала я, слизывая мороженое.

– А что же ты будешь делать дома вечером?

– Читать, – сказала я. Читаю я запоем, мне никогда не надоедает, даже телевизор почти не смотрю. Надо прочитать всё, что нам задали в техникуме на лето.

– Ну и зануда же ты, Ксанка, – сказала Тоня.

– Зубрилка, – добавила Аня.

– А вы пойдете? – спросила я.

– Да, сейчас переоденемся и пойдем.

Глаза моих подруг горят, щеки розовеют от волнения и предвкушения скорого счастья – они будут танцевать со своими кавалерами, но ни один из них не сравнится с Артемом.

– Ну, пока, заходите в гости, – сказала я. Девушки попрощались и убежали, держась за руки и что-то бурно обсуждая на ходу, наверное, какое платье лучше надеть. Я проводила их взглядом, вздохнула – мое счастье еще так неопределенно, доела мороженое и вдруг поняла, что уже настал вечер, бабушка ждет меня с продуктами к ужину, да и тает мороженое, которое я купила на завтра-послезавтра, у нас в семье его очень любят. Я вскочила с лавочки и быстрым шагом направилась к дому. За моей спиной занимался золотисто-оранжевый закат. Впереди лежало темное безмолвное кладбище. Я сжала зубы и вошла в распахнутые ворота. «Деда еще их не закрыл», – машинально отметила я, перекладывая сумку из одной руки в другую. Смеркалось. Под разве-

систыми березами стало почти темно. Ветерок шелестел их листьями, иногда шевелил траву по обе стороны тропинки. Создавалось впечатление, что эхо отзывается на мои торопливые шаги. Но этого не может быть, я же иду не в горах или в руинах какого-нибудь старинного замка или аббатства. В голову настойчиво лезли эпизоды из прочитанных страшилок старой недоброй Англии – собака Баскервильей преследует сэра Генри в ночном тумане, зомби преследуют сестер Беннет. Меня туман пока не окружил, но страшно стало так, что я не могла заставить себя оглянуться – а вдруг увижу нечто, преследующее меня. Что за иррациональные страхи в двадцать первом веке? Но ощущение чужого холодного взгляда, сверлящего мою спину, было так сильно, что я едва сдерживала желание пуститься бегом. Шаги за спиной приблизились, раздался тихий скулящий стон, перешедший в чмоканье. Я подпрыгнула и побежала. Пересохшее горло не могло издать даже хрип, ноги подгибались, но я уже видела нашу калитку. Я скорее добегу домой, чем позову на помощь – пришла утешительная мысль. И до полночи еще далеко. С крыльца нашего дома спустилась женщина, повязанная белым платком, в длинной юбке, широкой кофте, и пошла в мою сторону. Она вошла на кладбище, и я, запыхавшаяся, растрепанная, вежливо отступила с тропинки и остановилась, пропуская её. Мне стало стыдно моего волнения. Я позорю своих родных. Что подумает обо мне наша односельчанка? В темноте я не могла разглядеть её лицо. «Надо будет

у бабушки спросить, кто к нам приходил», — подумала я и пожелала ей доброго вечера. Немолодая женщина молча, тихо проскользнула мимо, оставив за собой слабый запах церковного воска и ладана. Я бодро шагнула на тропинку и пошла домой. Я не оглядывалась и нисколько не боялась, ощущение чужого взгляда исчезло, чужие шаги я больше не слышала. Мурзик встретил меня посреди двора и начал тереться о мои ноги, щекоча хвостом. Большой, теплый, мохнатый, родной. Я погладила его, позвала с собой и со смехом взбежала на крыльцо — его жесткая шерсть щекотала мои ноги. Только что пережитые на кладбище страхи показались нелепыми, спрятались в дальние уголки сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.